

**О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТОВ В ЯЗЫКЕ –
НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ПРОЦЕССАХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ HOMO LOQUENS
(с использованием материалов компаративного исследования глаголов говорения
русского и английского языков)**

В. А. Шарипова

**ABOUT THE CONCEPTUALIZATION AND OBJECTIFICATION
(VERBALIZATION) OF CONCEPTS IN A LANGUAGE
AS THE ESSENTIAL PROCESSES OF HOMO LOQUENS SPEECH ACTIVITY
(using the materials of comparative research of Russian and English verbs of speaking)**

V. A. Sharipova

Человеческая способность говорить является специфической областью деятельности homo loquens, связанной с разными сферами жизни людей, процессами человеческой жизнедеятельности. Процессы, в основу языковой семантики которых заложены типы знаний, используемых носителем языка в речевой коммуникации, активно исследуются когнитивной научной парадигмой. Когнитивный анализ способствует выявлению глубинных процессов, в которых проявляются существенные «скрытые» закономерности, обусловленные сложной природой языка как средства общения. В психолингвистике порождение речи – есть процесс превращения мысли в слово, а язык – есть форма выражения категорий мысли. Объективацию мысли в слово отражает сложный процесс концептуализации. До сих пор нет единого мнения о том, что первично концептуальный мир или язык. Язык, речь, речевая деятельность принадлежат области неосознаваемого и в то же время являются необходимым инструментом сознательного отражения. Они отражают концептуальную картину мира своего носителя, его менталитет – национальный способ видеть и понимать мир. Мы предприняли попытку исследовать обширный срез лексического уровня структуры языка – группу глаголов говорения и выявить здесь идиотнические особенности русского и английского языков.

The human ability to speak is a specific field of Homo Loquens activity related to different spheres of people's life and processes of human activity. Processes based on linguistic semantics which includes the types of knowledge used by native speakers of the language in communication are being actively investigated by the cognitive scientific paradigm. Cognitive analysis helps to identify the deep processes where significant hidden regularities are emerge due to the complex nature of language as a means of communication. In psycholinguistics the generation of speech is the process of interpretation of thoughts into words, and the language is a form of representation of the categories of thoughts. Objectification of ideas into words reflects the complex process of conceptualization. There is still no consensus about the prevalence of conceptual world over language or vice versa. Language, speech, and speaking are from the sphere of unconscious and, at the same time, they are a necessary tool of conscious reflection. They reflect the conceptual world of a language native speaker and their mentality – the national way of seeing and understanding the world. We made an attempt to research a vast section of the lexical level of a language structure – the group of the verbs of speaking and to reveal the individual peculiarities of Russian and English.

Ключевые слова: речевая деятельность, язык, речь, мышление, концептуализация, концепт, значение, понятие, концептуальный мир, мысль.

Keywords: speech, language, thought, conceptualization, concept, meaning, conceptual world.

Человеческая деятельность представляет собой сложное и системно организованное образование. Речевая деятельность – специфическая область человеческой деятельности, связанная с разными сферами жизни людей (их психикой, физиологией, анатомией и т. п.). Психологи называют человеческую способность говорить (речь) психологическим орудием, важнейшим средством формирования психики людей и столь же значимым средством воздействия общества на его членов и доказывают, что она служит основой для многих сфер человеческой деятельности, а процессы говорения охватывают все стороны человеческой жизнедеятельности [6, с. 31 – 42].

В психологии и психолингвистике речевая деятельность трактуется как определенный вид человеческой деятельности. По мнению Л. С. Выготского, «порождение речи представляет собой процесс превращения мысли в слово, материализацию и объекти-

визацию мысли в слово». Внутреннюю программу высказывания необходимо рассматривать как звено, включенное между исходной мыслью и конечным внешним высказыванием. Определяя формирование речи как процесс перехода от мысли к слову, к внешней речи, Л. С. Выготский представлял его как движение от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах [6, с. 95].

Современные ученые-лингвисты опираются в своих исследованиях на концепцию речевой деятельности, выдвинутую Л. С. Выготским, и считают язык формой выражения категорий мысли. Так, А. Е. Супрун пишет, что речевая деятельность включает в себя процесс расчленения мысли посредством языка, процесс перевода из глубин человеческого сознания во внешние – материальные формы с помо-

щью внутренней речи, а также в обратной последовательности процесс восприятия речи, её содержания [18, с. 109]. Р. М. Фрумкина также подчеркивает, что между языком и сознанием (мышлением) существует тесная, нерасторжимая связь [20, с. 28, 29]. С. Г. Шафиков же считает аксиоматичным утверждение о том, что язык не может существовать без мышления и полемичным утверждение о существовании мышления без языка ввиду того, что «остаётся непонятным, на что опирается мысль» [21, с. 31]. С. Пинкер приводит свой довод в пользу того, что типология усваиваемого языка не влияет на структуру концептуальных систем. Он пишет, что известны примеры «глухих взрослых, не знающих языка ни в одной форме – ни жестового, ни чтения по губам. Несмотря на их изоляцию от словесного мира, они демонстрировали множество форм абстрактного мышления: могли починить сломанный замок, знали, как обращаться с деньгами...» [11, с. 56].

Мышление отражает мир во всем многообразии его связей и свойств, не зная никаких ограничений. Язык же покрывает лишь вербальную часть мышления, накладывая определенные тактические рамки на способ выражения мысли, и «в этом смысле, – по мнению В. А. Серебренникова, – язык беднее мысли» [15, с. 79].

Интересна точка зрения Ф. де Соссюра, который писал: «Каждый языковой элемент представляет собой *articulus* – вычлененный сегмент, в котором понятие закрепляется определёнными звуками, а звуки становятся знаком понятия. Язык можно сравнить с листом бумаги. Мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. Так как и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли» [16, с. 100].

Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике). При этом язык является формой выражения категорий мысли. «Есть определенное соответствие между именами объектов и мыслями об этих объектах, т. е. между тем как мы концептуализируем мир, и тем, какие средства для этого дает нам язык» [18, с. 30].

Концептуализацию можно рассматривать так же как «отражение мира в знаках языка. Другими словами, по мнению Л. М. Зайнуллиной, концептуализация мира осуществляется через язык» [8, с. 30].

Основная часть концептов закрепляется в языке в виде значений конкретных слов, что обеспечивает их трансляцию от поколения к поколению. Л. В. Щерба отметил, что «в каждом слове, как в своеобразном генофонде, отражена языковая система» [22, с. 136].

В. В. Виноградов в одном из своих ранних трудов пишет: «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми возможностями, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления дан-

ного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм» [5, с. 258].

З. Д. Попова и И. А. Стернин считают проблему соотношения концепта и значения важнейшей проблемой когнитивной лингвистики. «Значение и концепт, по их мнению – продукты деятельности разных видов сознания. Концепт – продукт когнитивного сознания человека (представленного его сознанием в целом), значение – продукт языкового сознания (представленного в значениях языковых знаков). Таким образом, значение и концепт соотносятся как коммуникативно-релевантная часть и ментальное целое. Значение своими семами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации всего содержания концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – значения многих слов» [12, с. 39].

М. В. Никитин полагает, что «и значения и понятия принадлежат одному концептуальному уровню, что значения – тоже понятия, но понятия, содержательно бедные, неглубокие, отражающие только отличительные признаки вещей» [10, с. 42].

Значения словесных знаков – по мнению М. В. Никитина – это понятия, связанные знаком. Когда мы говорим о понятиях самих по себе, мы интересуемся, прежде всего, отношением мыслительных единиц к действительности и человеческой деятельности. Когда же речь идет о значениях, то предмет интереса сдвигается к знаковому выражению мыслительных единиц, сформированных как отражение действительных отношений человека к действительностью, к выражающим их знакам. Связываясь со знаком, понятия становятся семантическими единицами – значениями или частями значений (семами). Совокупность значений образуют семантические системы языков (системы значений). При всей подавляющей общности фундаментальных условий жизни у каждого народа имеются свойственные только ему специфические реалии культуры, быта, среды и т. п., которым в иной культуре и понятийной системе соответствуют полные или частичные пробелы, так называемые материальные и понятийные лакуны. Своеобразие семантических систем языков – результат, прежде всего, внутриязыковых причин, непосредственно не связанных с понятийными, мыслительными различиями [10, с. 42 – 48]. Если какое-то понятие понимается по-разному представителями разных лингво-культурных сообществ, то это значит, что культурологическая компонента локализуется в понятии. Если она обусловлена особенностями референта, то примерами являются разные реалии, характеризующие жизнь определенного народа [7, с. 489].

В. И. Болотов дает следующее определение концепта: «Концепт – это ментальная сущность, представляющая собой совокупность знаний о любом факте или событии в предметном мире из любой сферы бытия и деятельности в виде определённой идеи, особого подхода, особого видения мира отдельным индивидом или отдельной научной школой, или отдельной социальной группой, или отдельным социальным классом, или отдельным этносом [3, с. 86].

Интересным и открытым для психолингвистики и лингвистов с точки зрения понимания механизма функционирования языка остаётся вопрос: что для человека первично – его концептуальный мир или родной язык, где под концептуальным миром подразумевается целостное представление предметного мира – система концептов (ментальных объектов и связывающих их ментальных отношений), а под языком – система языковых знаков и правил их соединения. В современной лингвистике наметилось три принципиальных направления.

Первое направление придерживается теории Ф. де Соссюра, согласно которой родной язык первичен, т. е. усваивается ребенком до концептуального мира. Используя язык, ребенок формирует далее свой концептуальный мир, категоризуя воспринимаемую действительность, расчленяя ее на концепты и устанавливая между ними отношения в соответствии с языковыми значениями и их отношениями. Язык в этом случае, – пишет А. Д. Кошелев, – «оказывается замкнутой и самодостаточной системой, а концептуальный мир – ее продуктом, отражающим эту системность. Поскольку при этом концептуальный мир не внеположен языку, у языковых знаков не может быть референтов» [9, с. 15].

Согласно позиции Ф. де Соссюра «в психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами представляет собой аморфную, нерасчлененную массу. Без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено» [16, с. 144]. Этой же точки зрения придерживается Б. Уорф и Э. Бенвенист: «Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [19, с. 97]. «Язык воспроизводит мир, но подчиняет его своей собственной организации. Связь, которую мы устанавливаем между вещами... существует до самих вещей и служит их определению» [2, с. 27, 56].

Второе направление придерживается парадигмы, исходящей из постулата о том, что и концептуальный мир, и язык человека формируются как самостоятельные системы. Это выражается в том, что языковые знаки образуют свою системность, а элементы концептуального мира с их отношениями – свою. При этом языковые значения описывают концепты мира не непосредственно, а посредством социального универсального языка мыслей.

В рамках этой парадигмы языку отводится гораздо более скромная роль: языковое значение лишь опосредованно описывает концепт, поскольку при непосредственном описании концептов система значений утрачивает самодостаточность и становится зависима от свойств концептуального мира. Приверженцы этой парадигмы представляют то, как язык и его смыслы описывают концептуальный мир человека следующим образом: для осуществления мышления человек использует особый общечеловеческий «универсальный» язык мыслей, а для соотнесения смыслов фраз с концептуальными ситуациями человек исполь-

зует специальную модель-конвертор «Смысл ↔ Концепт», которая по языковому смыслу строит соответствующее описание концепта на универсальном языке мыслей, а затем по этому описанию находит в концептуальном мире и сам концепт.

Один из современных представителей «постсоссюровской» парадигмы С. Пинкер пишет: «Люди думают не на английском, китайском или языке апачей. Они думают на мыслекоде. Этот мыслекод... предположительно располагает символами для выражения понятий и комбинациями символов, которые соответствуют носителю и объекту действия. Знание языка, таким образом, означает знание того, как можно перевести мыслекод в словесные цепочки и наоборот» [11, с. 69 – 70].

Наконец, *третье направление* содержит наиболее современную парадигму, исходящую из постулата, противоположного первому: концептуальный мир первичен и изначально (до языка) формируется в мозгу человека (ребенка). В этом случае язык также замкнут, но не на себе, а на уже существующий и внеположенный ему мир. Эта парадигма отражает когнитивный подход к языку, поэтому её можно называть когнитивной, или, так сказать, «антисоссюровской», поскольку она является противоположной «соссюровской».

Согласно этой парадигме концептуальный мир первичен, возникает в мозгу ребенка до языка и играет доминирующую роль. Знаки – это поименованные концепты. Их «имена» возникают в процессе усвоения ребенком родного языка, когда он звучащие вокруг него слова напрямую связывает с уже существующими концептами – единицами своего концептуального мира. Наиболее ярким представителем когнитивной парадигмы является А. Вежицкая со своей концепцией, в которой для описания «любых языковых значений» используется «естественный семантический метаязык» (ЕСМ). ЕСМ строится как «универсальный метаязык» и базируется на положении о том, что «в основе всех языков, сколь угодно различных, лежат изоморфные множества семантических элементов и универсальные синтаксические правила» [4, с. 17, 25].

В теории А. Вежицкой существование ЕСМ обусловлено его непосредственной связью с концептами мира. Семантические примитивы ЕСМ суть «воплощения» (или «лексикализации» или вербализации) в каждом языке основополагающих элементов мира человека – фундаментальных концептов, а синтаксические правила отражают естественные комбинации этих концептов в мире человека. Ведь каждый набор семантических примитивов «есть не что иное, как одна лингвоспецифическая манифестация универсального набора фундаментальных человеческих концептов. Это предположение было основано на представлении о том, что фундаментальные человеческие концепты являются врожденными. Я также постулирую врожденные и универсальные правила синтаксиса... в смысле интуитивно верифицируемых моделей возможных комбинаций элементарных концептов» [4, с. 16 – 17, 25].

Примат концептуального мира над языком не ограничивается у А. Вежицкой только уровнем фунда-

ментальных, общечеловеческих концептов. Он распространяется и на этнокультурные концепты, которые также воплощаются в языковых значениях слов, но не общепонятных, а лингвоспецифических, задающих «ключевые» концепты народной культуры.

В концепции А. Вежицкой языковое значение – это концептуальная структура, образованная естественными комбинациями фундаментальных концептов; она задана посредством элементов метаязыка (семантических примитивов, связанных синтаксическими отношениями). Проще говоря, человек понимает высказывание другого потому, что оно «построено из простых элементов, которые понятны сами по себе» [4, с. 15].

Когнитивной парадигмы придерживается достаточно широкий круг современных лингвистов: Э. Сепир, Р. Якобсон, Б. А. Серебренников, Д. Н. Шмелев, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Ю. С. Степанов, А. Вежицкая, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор и др.

Homo sapiens, он же *Homo loquens*, осмысляет окружающий его мир, затем описывает его и в этом процессе творит язык. *Homo sapiens* был наделен уникальной возможностью общения при помощи языка, уникальным даром говорения. Эрнст Пулгрэм пишет: «Та сфера деятельности человека, которая именуется «говорением», делает его особым, уникальным на земле существом. Этому способствует также его мозг, отличающийся от мозга других существ изумительной сложностью и эффективностью; он дает человеку возможность оперировать мыслями-понятиями, быть существом говорящим» [10, с. 88]. «Язык, – пишет Н. Д. Арутюнова, – становится как бы двойником *homo sapiens*» [1, с. 25].

Кроме того, язык формирует сознание человека. «Он, – как подчеркивает Н. Д. Арутюнова, – проникает внутрь человека. Он пишет портрет этноса и отдельных личностей. Язык вводит человека в общество» [1, с. 25]. Язык – это уникальный способ представления и познания действительности, и только он сохраняет и передает языковую картину мира своего носителя. А *Homo loquens* выступает носителем конкретного языка, равно как и носителем определенной культуры, т. е. представителем определённого национально-лингво-культурного сообщества с имеющимися знаниями и представлениями, концептуальными установками и культурными максимами, со своим уникальным менталитетом – национальным способом видеть и понимать мир.

Занимаясь компаративным исследованием глаголов говорения на материале русского и английского языков, мы обнаружили некоторые проявления идиотических особенностей вышеуказанных языков. В частности, при оценке достоверности высказывания в речи активно используются сочетания глаголов *говорить / сказать* с существительным *правда*, которые содержат оценку истинности или ложности высказываний субъекта речи: *говорить / сказать правду // to tell / to say the truth, по правде говоря, сказать правду // to tell / to say the truth, высказать всю правду, высказать правду в глаза, рассказать всю правду, высказать всю правду, не врать / не соврать, не лгать // to tell / to state the whole truth, to state the truth in an eye (in a face), to tell the whole truth, to tell the truth openly,*

not to fib, not to lie [14, с. 46]. Но понятия, объективированные в языке словосочетаниями *говорить правду-матку, резать правду, рубить правду* свойственны исключительно носителям русского языка; по крайней мере, по отношению к английскому языку их можно назвать *лакунарными*.

В этом смысле также представляют интерес оценочные существительные и прилагательные: *говорить любезности, комплименты // to say / to tell compliments, to compliment sb. / to say soft soap*. С одной стороны, *любезности* – сугобо русская лексема (*лакуна* для английского языка), с другой стороны, словосочетание *soft soap* является, как нам кажется, *лакунарным* для русского языка.

К этой же группе относятся *говорить / сказать гадости, пошлости, глупости, чепуху, ерунду, вздор, чушь, галиматья, ахию, бред, пустяки* и т. д. // *to say nasty things, to make trite and vulgar comments, to say / to talk nonsense / silly things, rubbish / garbage, delirium* – при этом лексемы *галиматья, ахию* – исключительно русскоязычного происхождения, хотя по своему значению они сходны с лексемами *чепуха, ерунда, вздор, чушь*, передающихся в английском лексемами *nonsense / silly things*. Кроме того, лексема *пошлость* также обязана своим происхождением именно русскоязычному обществу: за сказанные в общественном месте гадости на Руси были обязаны платить *пошлину*.

Нами было также отмечено наличие большего числа разных выражений комплиментов в английском языке. Мы связываем это с тем фактом, что комплиментарность в английском коммуникативном поведении, согласно данным исследования И. А. Стернина по контрастивной лингвистике [17, с. 270 – 272], используется чаще, чем в русском.

Анализ исследуемого поля глаголов речевой деятельности *Homo loquens* наводит на определенные выводы: в русской языковой картине мира четко прослеживается тенденция к превалированию явной эмоциональности, в силу включенности сферы эмоций и чувств в ценностную канву ментального мира носителя языка, где побуждение к общению вызвано скорее поиском истины, нежели установлением и поддержанием гармоничных отношений с собеседником; главное требование предъявляемое к говорящему – искренность, которая, в свою очередь, не мыслится без открытого выражения эмоций и чувств. Вместе с тем доминирование явной эмоциональности играет в общении русскоязычных представителей скорее конструктивную, чем деструктивную роль и зачастую способствует более эффективному достижению взаимопонимания. В английской языковой картине мира довлеет стереотип наличия тесной связи эмоциональных и рациональных концептов, что неизменно в той или иной степени облачает эмоциональность в рациональные формы и не позволяет «миру страстей» взять верх над «миром идей». В ментальном мире носителей английского языка косвенная оценка ассоциируется со скрытой эмоциогенностью. Сдержанность, стремление не показывать свои чувства окружающим – качества, которые воспитываются англоязычной культурой. Проявление эмоциональности подавляется нормами социального поведения, проявляющимися в

максимах вежливости и в маркированной ориентации английского языка на адресата. Английский язык, таким образом, можно назвать языком намёков и недосказанностей, которым зачастую приписывается положительная ценность в отличие от менталитета носителей русского языка.

Таким образом, играя очень важную роль в жизнедеятельности человека, речевая деятельность опирается на мыслительные процессы. Мышление, язык и речь в речевой деятельности соединяются в единый процесс. Когнитивный подход к языку позволяет рассматривать связь языка и мышления и реконструировать когнитивные структуры по данным естественного языка. Немаловажную роль в этом играет такой важнейший процесс познавательной деятельности человека как концептуализация. Однако, вопрос о

том, что для человека первично – его концептуальный мир или родной язык, остаётся открытым, предоставляя учёным возможность проводить дальнейшие исследования, позволяющие обнаружить доказательства истинности той или иной парадигмы. Бесспорным остается факт, что язык – это способ представления и познания действительности, и только он сохраняет и передает языковую картину мира своего носителя. Номо loquens как человек говорящий, выступая носителем конкретного языка, выступает также и носителем определенной культуры, т. е. представителем определенной национально-лингво-культурного сообщества с имеющимися знаниями и представлениями, концептуальными установками и культурными максимами, со своим уникальным менталитетом – национальным способом видеть и понимать мир.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бенвенист О. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
3. Болотов В. И. А. А. Потенция и когнитивная лингвистика // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 82 – 96.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков; пер. с англ. А. Д. Шмелева / под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. I – XII. 780 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 353 с.
7. Гарифуллина А. М. Культурологическая маркированность аллюзий в романе Д. Фаулза «Волхв» // Вестник Башкирского университета. 2009. № 2. Т. 14. С. 489 – 493.
8. Зайнуллина Л. М. Лингвокогнитивное исследование адекативной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков). Уфа: РИО БашГУ, 2003. 256 с.
9. Кошелев А. Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 15 – 40.
10. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 186 с.
11. Пинкер С. Язык как инстинкт [пер с англ.] / общ. ред. В. Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 176 с.
13. Пулгрэм Э. Человек говорящий экологический подход // Наука и жизнь. 1971. № 7. С. 86 – 91.
14. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «Говорить», «Слышать», «Видеть») / Т. А. Кильдибекова, Г. В. Гафарова, В. А. Шарипова и др. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 270 с.
15. Серебренников В. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
16. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
17. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 288 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
18. Супрун А. Е. Общее языкознание. Минск: Высшая школа, 1983. 456 с.
19. Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. Вып. I. С. 169 – 182.
20. Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1992. С. 28 – 43.
21. Шафиков С. Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3 – 17.
22. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.; Л.: Наука, 1974. 428 с.

Информация об авторе:

Шарипова Василия Анатольевна – доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, vasilia.anatolevna@yandex.ru.

Vasilya A. Sharipova – Assistant Professor at the Department of Foreign Languages for Professional Communication, Institute of Economics, Finance and Business, Bashkir State University.

Статья поступила в редколлегию 27.02.2015 г.